

1

АВТОМОБИЛЬ

Меня зовут Стина, и я скоро умру. Напрямую мне об этом никто не говорит, но я же не дурочка. Всё вижу по глазам матушки. И слышу, как шепчутся соседки. Увидев меня, они склоняют головы набок и начинают прищёлкивать языками: ц-ц-ц.

Иногда я слышу, о чём они шепчутся:

— Бедная Марта: сперва муж, а теперь и девочка...

Марта — это моя матушка. Моего отца звали Пауль, но его уже нет. Он погиб на войне. Война закончилась, но папа как умер, так и умер. А скоро и я умру. Я всё кашляю и кашляю — иногда так сильно,

что вся простыня в крови. В такие минуты глаза у матушки становятся совсем грустные.

Но когда знаешь, что скоро умрёшь, особенно радуешься всяким хорошим вещам. Например, что тебе выпало прокатиться на автомобиле! Никогда не думала, что мне доведётся такое — а вот ведь довелось! Огромный роскошный автомобиль! Весь красный и блестящий. Сиденья мягкие, светло-коричневые. Думаю, они из кожи. Другие дети на нашей улице Шёмансгатан глазам своим не поверили, когда он подкатил к нашей двери и господин в униформе осведомился, кто из нас Стина.

В таких автомобилях разъезжают богатые и важные господа. Кинозвёзды и министры. И очень странно, когда в таком едет маленькая чахоточная девочка — вроде Стины с улицы Шёмансгатан. Я почувствовала себя Гретой Гарбо.

Рядом со мной на сиденье стоит маленький коричневый саквояж. В нём лежит почти всё, что принадлежит мне на этой земле. Несколько весьма потрёпан-

~ АВТОМОБИЛЬ ~

ных одежек, кукла Роза, юла, которую сделал мне Петтер, торгующий на рынке, две глянцевые картинки (на одной — ангел с розовыми крыльями, а на второй — мужская и женская руки, соединённые в венке из цветов) и фотография отца и матушки. На карточке они такие молодые и серьёзные. Повезло, что у них нашлись деньги сходить к фотографу в тот день, когда они обручились.

Интересно, будут ли меня когда-нибудь фотографировать? С этим пора бы поспешить.

Главное сокровище я завернула в ночную рубашку, чтобы оно не помялось в дороге. Просто невероятно, что у меня теперь есть такая красивая книга! Называется она «Робинзон Крузо» и на самом деле принадлежит моему старшему брату Улле. Я уже сидела на лестнице — готовая, с заплетёнными косами и в застёгнутой кофте, — ожидая, когда меня заберут, и тут он внезапно подошёл и протянул её мне.

— Вот, Стина, это тебе, — выпалил он и убежал.

Эта книга — самое дорогое, что есть у Улле, могу поклясться. Много раз я просила дать мне хотя бы посмотреть картины, но он всегда говорил «нет» — так он над ней трясся. А теперь просто так взял и подарил мне!

Наверное, Улле тоже знает, что я скоро умру. И я позабочусь о том, чтобы он получил назад своего «Робинзона Крузо». Я могу написать завещание, как сделала перед смертью бабушка Матильда. И это хорошо, иначе отец не смог бы подарить матери обручальное кольцо. Но поскольку бабушка об этом подумала и записала на бумаге, что кольцо должно достаться Паулю, всё устроилось. Завещание — штука важная, надо не забыть написать его перед тем, как умереть.

Господин, который ведёт машину, спросил меня, не хочу ли я прилечь и отдохнуть, но когда я лежу, кашель становится только хуже, поэтому я попросила разрешения остаться сидеть. К тому же хочется смотреть в окно, когда едешь на автомобиле — может быть, единственный раз в жизни.

~ АВТОМОБИЛЬ ~

Ехать нам предстоит долго. Санаторий находится далеко в лесу, где воздух чистый и свежий. В такие санатории ездят только богатые люди, и просто удивительно, что и мне тоже такое выпало.

Несколько недель назад к нам зашёл доктор Лундин и спросил, что скажет Марта, «если Стина отправится в санаторий». На самом деле этот вопрос задал ему другой доктор, его хороший друг.

В санатории «Малиновый холм» они исследуют, что происходит с кашляющими городскими детьми, когда те попадают на природу. А вдруг дети возьмут да и поправятся! Так они думали, эти доктора. Они хотели, чтобы я попробовала пожить там, а они обследуют меня и мои лёгкие и посмотрят, помог ли мне санаторий.

Сама я ни капельки во всё это не верю — ну как обычный воздух может мне помочь? Воздух ведь и так везде есть.

За лето мне стало гораздо хуже. Ещё весной я могла вместе с Улле и Эдит спуститься в порт, чтобы посмотреть на корабли и принести матушке дров. Я могла задавать курам корм и по понедельникам

помогать раскатывать валиком бельё. Почти каждый день я ходила на колонку за водой. И в школу тоже могла ходить. Но потом начала кашлять, и кашель всё не кончался. Теперь я уже давно лежу в кухне и кашляю, не видя ничего, кроме крошечного кусочка двора за нашим домом. Так что вы понимаете, как увлекательно было вдруг проехать по улицам Гельсингфорса¹ в автомобиле, в каком ездят кинозвёзды, а потом увидеть поля, холмы, леса и озёра. Я так вертела головой, что у меня даже затылок заболел.

Поначалу матушка не хотела, чтобы я ехала в санаторий, и я тоже не хотела. Но потом она всё же начала надеяться — а вдруг там мне станет лучше? Глупо было бы отказаться от такой возможности.

Мне кажется, её уговорили соседки.

— Дорогая Марта, подумай, как хорошо, что девочка будет там под присмотром — у тебя появится время позаботиться и об остальных пяти детках.

¹ Гельсингфорс — так раньше назывался город Хельсинки. (Здесь и далее — примечания переводчика и редактора.)

~ АВТОМОБИЛЬ ~

Да, так и есть. Нас шестеро братьев и сестёр, а отца у нас нет. Все остальные здоровенькие и помогают матери как могут.

Улле, которому уже четырнадцать, сейчас работает посыльным, но хочет подыскать себе работу в порту. Больше всего на свете он мечтает уйти в море. Эдит тринадцать, она помогает матери в те дни, когда особенно много господ сдают в утюжку свои воротнички. Ещё есть младшие братья и сёстры, близнецы Ларс и Эллен, да ещё Эрик, который был у матери в животе, когда погиб отец, но они тоже достаточно подросли, чтобы помогать по хозяйству. А вот от меня теперь никакого проку, я совсем ослабела, только кашляю и всем мешаю. И конечно, все боятся, что я их заражу, поэтому остальным приходится тесниться в комнате, а мы с матушкой спим на кухне.

Теперь, когда меня не будет, им станет куда просторнее. Я понимаю, что матушке будет лучше куда-нибудь меня пристроить, хотя она и грустит.

Пора уже им привыкать, что меня нет рядом, ведь когда я умру, так и будет.

В последние вечера перед моим отъездом матушка вязала. Пряжу она собрала, распустив свитера и носки, из которых мы уже выросли. Она сидела у печки и всё вязала и вязала. Иногда она опускала своё вязанье на колени и тяжело вздыхала. А потом продолжала вязать.

Наверное, она не замечала, что я не сплю и смотрю на неё, лёжа в своей постели. Я хотела насмотреться на матушку, чтобы не забыть потом в санатории, как она выглядит. Она очень красивая, моя матушка. У неё тёмные волосы и голубые глаза, в точности как у меня. Мы обе тощие, но у неё щёки покруглее и розовые губы. У меня губы такие бледные, что их едва видно. Волосы она почти всегда укладывает в узел на затылке, но в бане я видела их распущенными — они длинные и вьющиеся. С распущенными волосами матушка похожа на королеву из сказки. Я бы тоже хотела иметь такие волосы, но у меня они прямые и жиденькие. Одна из соседок в нашем дворе постриглась очень коротко, но я надеюсь, что матушка никогда не сострижёт свои королевские волосы.

~ АВТОМОБИЛЬ ~

В последний вечер на Шёмансгатан я получила пакет. В нём лежала новая вязаная кофта! Немного странная, потому что в ней резко менялись цвета пряжи, но всё же самая прекрасная кофта, какую я когда-либо видела! Впервые в жизни мне подарили совершенно новую вещь, до меня эту кофту не носили ни Эдит, ни Улле. Поднеся воротник к носу, я ощущаю запах матушки. Каждый день буду надевать свою новую кофту в санатории.

2

Зáмок в лесу

Никогда не забуду, как впервые увидела санаторий «Малиновый холм». Должно быть, я задремала, потому что, когда автомобиль свернул на небольшую дорогу, вздрогнула и проснулась.

Теперь мы катили по аллее из высоких старых деревьев. Думаю, это дубы. Потом миновали озеро с блестящей водой, поднялись по крутому склону холма — и приехали.

Такого большого здания я никогда раньше не видела даже в городе! Или же дом казался гигантским, потому что стоял в одиночестве среди леса? Настоящий

~ ЗАМОК В ЛЕСУ ~

замок! В нём было четыре этажа, башни и балконы, круглые окна и резные двери. Окна на фасаде я сосчитать не успела, но мне показалось, что их не меньше сотни!

Дома мы живём всемером в двух маленьких комнатках — здесь же, в «Малиновом холме», могли бы разместиться несколько тысяч человек, и никому не было бы тесно! Тем не менее я увидела только двоих. Они стояли на широкой лестнице перед большой дверью, одетые во всё белое.

Автомобиль остановился, шофёр вылез и открыл мне дверь:

— Ну вот, фрёкен, мы приехали.

Внезапно я смутилась и, когда слезла с сиденья и выбралась из автомобиля, сжимая в руке саквояж, почувствовала себя совсем ребёнком, а вовсе не кинозвездой. Я не забыла расправить юбку и подтянуть гольфы, прежде чем сделать книксен двум женщинам в белом. Можно быть бедным, но это не причина вести себя невоспитанно, как говорит матушка.

Женщины на лестнице были одеты в одинаковую одежду медсестёр. В осталь-

ном же они казались не похожи, как небо и земля. Одна была молодая, немного полноватая, с розовыми щеками. Из-под белой косынки выбивались светлые пушистые локоны. Когда она улыбалась, на щеках у неё появлялись ямочки — я всегда о таких мечтала. Но когда лицо совсем худое, как у меня, ямочкам взяться неоткуда. Вторая женщина была высокая и сухая, с тёмными волосами, уложенными в тугой узел на затылке. Она была старшей из них и строго посмотрела на меня сверху вниз, словно я только что сделала что-то недозволенное.

Но заговорила со мной светленькая:

— Это у нас маленькая Стина, насколько я понимаю. Хорошо ли доехали?

— Спасибо, да, — пробормотала я и ещё раз присела в книксене.

— Я сестра Петронелла, а это старшая медсестра санатория сестра Эмерентия.

На всякий случай я в третий раз сделала книксен. Сестра Эмерентия сурово оглядела меня, но потом опустила голову в чуть заметном кивке — видимо, это было что-то вроде приветствия.

~ ЗАМОК В ЛЕСУ ~

— Пойдёмте со мной, поднимемся в отделение, — сказала сестра Петронелла. — Я отнесу ваш саквояж.

Она взяла меня за руку, и мы поднялись по лестнице в дом. Мы прошли через огромные тяжёлые деревянные двери с зелёными стёклами и вошли в гигантский холл. Пол здесь был выложен разноцветными каменными плитами, стены выкрашены в светло-зелёный цвет с причудливыми узорами. Никогда в жизни я не видела ничего подобного — что-то вроде вокзала и церкви одновременно. Только гораздо больше.

Мы шли по бесконечным длинным и широким коридорам, поворачивая то вправо, то влево — и вот перед нами оказалась широкая серая лестница с узорными чугунными перилами, уходящая на несколько этажей вверх. Я запрокинула голову, чтобы посмотреть, где же эта лестница упирается в потолок, споткнулась о свои собственные ноги и чуть не упала.

— Здесь мы поднимемся наверх, — сказала сестра Петронелла.

Поднявшись на несколько ступенек, я была вынуждена остановиться и откашляться. Сестра Петронелла терпеливо ждала. Потом мы двинулись дальше.

Внутри здание казалось ещё больше, чем снаружи. Но других людей не было видно, только в коридоре второго этажа нам встретилась ещё одна медсестра, катившая небольшую тележку.

— Много тут живёт пациентов? — спросила я.

— Пока не очень, — ответила сестра Петронелла, — но теперь, когда здание восстановлено после пожара, их будет гораздо больше.

— Так здесь был пожар?

— Ну да, разве вам не говорили? Несколько лет назад весь восточный флигель сгорел. Санаторий пришлось закрыть. Но теперь мы снова работаем.

Она гордо улыбнулась мне, но я невольно поёжилась. Больше всего на свете я боюсь пожаров. Когда я была маленькой, на острове Мункхольмен случился пожар. Мы с Улле и Эдит стояли на горе,

~ ЗАМОК В ЛЕСУ ~

наблюдая оттуда, — несколько человек не успели выбраться из своих домов... нет, это слишком ужасно.

— Сестра Петронелла...

— Да?

— На том пожаре кто-нибудь погиб?

Ямочки на щеках сестры Петронеллы исчезли.

— Не думайте об этом. Бояться нет причин. Сейчас всё идёт своим чередом, и санаторий «Малиновый холм», если вы ещё не знаете, — самый современный и самый лучший санаторий во всей Европе! Вам очень повезло, что вы попали сюда.

В очередной раз нам пришлось остановиться и дожидаться, пока я откашляюсь. Как долго нам ещё идти? Мне казалось, мы идём по коридору уже несколько минут.

— Ну вот, мы уже в четырнадцатом отделении! — с прежней бодростью проговорила сестра Петронелла и замедлила шаг.

Она открыла дверь в комнату — вернее, в палату. Здесь, внутри, абсолютно

всё было белое, как мел. Белые стены, белый потолок, даже небо за окном показалось мне скорее белым, чем голубым. Восемь идеально заправленных кроватей стояли в два ряда, с потолка свисали белые занавески.

Все кровати пустовали.

— Вы можете сами выбрать себе кровать!

— Но... я что, буду здесь одна?

— Пока — да. Как я уже говорила, новые пациенты поступают каждый день, так что скоро у вас появится компания.

Я сглотнула. Целая комната для меня одной. О таком я иногда мечтала дома на Шёмансгатан, когда едва удавалось найти свободное место, чтобы присесть, поскольку везде толпились братья и сёстры. С каким удовольствием я взяла бы их всех с собой! Здесь бы мы все поместились. И матушка тоже.

Я медленно подошла к окну в дальнем конце палаты. За окном, насколько хватало глаз, виднелись верхушки деревьев. Далеко внизу я также разглядела кусочек озера, мимо которого мы проезжали.

~ ЗАМОК В ЛЕСУ ~

— Тогда эту, если можно, — сказала я и положила руку на холодное белое изголовье кровати, стоящей справа у окна.

— Я бы тоже её выбрала, — улыбнулась сестра Петронелла. — Что ж, распакуем вещи?

Она положила саквояж на кровать, открыла и стала быстро вынимать мои вещи. Я едва успела схватить «Робинзона Крузо», чтобы он не упал на пол.

Рядом с кроватью стоял небольшой комод. Книгу, юлу, глянцевые картинки и фотографию я положила в верхний ящик, а мою одежду сестра Петронелла повесила в узенький шкаф, стоящий в стороне. Куклу Розу я посадила на комод. По-моему, у неё сделался очень удивлённый вид.

Собственно говоря, я уже слишком большая, чтобы играть в куклы, но мне всё равно приятно, что Роза со мной. К тому же она в своём красном клетчатом платье стала ярким цветовым пятном на фоне всего белого.

— Ну вот, — подвела итог сестра Петронелла. — А сейчас мне кажется, что

вам лучше всего отдохнуть перед ужином. Горшок стоит под кроватью, питьевая вода — в кувшине у двери. Никуда не уходите, оставайтесь в отделении. Видите маленькую верёвочку на стене?

Понятное дело, я её заметила. Довольно толстая белая верёвка с круглой бусиной на конце.

— Если потянете за неё, то в комнате у медсестры отделения прозвонит колокольчик. Но дёргать за верёвочку можно только в экстренной ситуации. Никакого баловства.

Я кивнула. Уж я-то точно не буду дёргать ни за какую верёвочку. Перед глазами у меня возникла картина — гигантский колокол звонит прямо над ухом строгой медсестры Эмерентии, и она в ярости несётся по коридору. Такого я точно не хочу.

— Что же, пока всё. Отдыхайте, — сказала сестра Петронелла и вышла за дверь.

Я слышала её удаляющиеся шаги в коридоре, потом всё стихло. Стало даже слишком тихо. Ужасно тихо. Я не могла

~ ЗАМОК В ЛЕСУ ~

припомнить, чтобы когда-нибудь находилась в таком месте, где не слышно вообще ничего.

Тут у меня начался очередной приступ кашля, и мой кашель эхом разнёсся по пустой палате. Он гремел, словно пистолетные выстрелы. Всё здесь такое белое. Такое тихое. Такое странное. Не могу точно сказать, что я себе представляла, — но всё-таки мне думалось, что в санатории будет больше цвета и звуков. И будут другие дети.

Присев на край кровати, я понюхала свою кофту. Матушка. Мне стало интересно, чем все они сейчас занимаются там, дома. Думают ли обо мне? Волнуются ли за меня? Как только у меня появится возможность, я напишу им письмо — сестра Петронелла наверняка даст мне бумагу и карандаш.

А что я напишу? *«Я приехала в замок, расположенный далеко в лесу»*. Они решат, что я сочиняю, хотя это почти правда.

Никакого желания отдохнуть у меня не было, и я снова подошла к окну. Подо-

конник оказался широким и прочным, на нём наверняка можно сидеть, если только удастся залезть. Я попыталась подтянуться, но в груди так больно кольнуло, что я сдалась и осталась стоять на полу.

Снаружи было очень красиво. Приближалась осень, и среди верхушек сосен я различила несколько берёз, которые уже начали желтеть. Я очень обрадовалась, увидев внизу на земле людей — а то мне уже становилось не по себе от одиночества. Некоторые из них были медсёстрами, их легко можно узнать по белой форме. Другие, наверное, пациентами, как и я. Но они показались мне гораздо старше. Некоторые передвигались с палочкой, другие сидели на скамейках.

Только теперь я обратила внимание на два внушительных дома возле озера. Большие роскошные виллы из тёмного дерева — они смахивали скорее на жилые дома, чем на больничные постройки. Кто там живёт? Наверное, сестра Эмерентия?

~ ЗАМОК В ЛЕСУ ~

Повернув голову в другую сторону и прижавшись щекой к стеклу, я увидела ещё одно здание. Как и санаторий, оно было из серого камня, но с остроконечной крышей и крестом наверху. Церковь! Очень интересно, об этом я тоже напишу в письме матушке и остальным. *«Санаторий такой большой, что у нас даже есть своя церковь»*, — напишу я.

3

Вечерний туалет

Очень трудно отдыхать, когда тебе велено отдыхать. Но я попыталась. Сняв ботинки, я легла на кровать. Она оказалась довольно жёсткой, а простыни так накрахмалены, что напоминали газетную бумагу. Я закрыла глаза и постаралась думать о чём-то другом, а не о своих домашних.

Иногда, когда мне становится скучно, я придумываю романтические истории, которые никогда в жизни не решусь записать: а вдруг кто-то другой их прочтёт? Я тогда просто умру от стыда, не сходя с места.

~ ВЕЧЕРНИЙ ТУАЛЕТ ~

Однажды я увидела в витрине антикварной лавки картину. На ней были изображены рыцарь и девушка, которые стояли совсем рядом и собирались поцеловаться. Он был высокий и статный, с тёмными волосами до плеч. А золотые вьющиеся волосы девушки ниспадали до талии. Закрыв глаза, она подняла лицо вверх, а рыцарь склонился над ней, и у меня даже защекотало в животе, когда я увидела эту картину. Она провисела в витрине несколько недель, и я придумывала массу поводов, чтобы пройти мимо. Я старалась пойти одна, потому что Улле или Эдит стали бы смеяться, если бы я захотела остановиться и посмотреть на картину. Само собой, всё это было ещё до того, как я заболела.

А однажды картина исчезла, и на её месте появилось скучное полотно с цветами в вазе. Наверное, какой-нибудь богач купил рыцаря и девушку, чтобы повесить у себя дома. И всё же я была рада, что мне удалось увидеть ту картину столько раз — рыцарь и девушка крепко отпечатались у меня в памяти. Когда мне требовалось сочинить романтическую историю,